



АННА МИНАЕВА

**ПЕРВАЯ ТАЙНА
АКАДЕМИИ ГРИСКОР**



**МОСКВА
2022**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М61

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *А. Флер*

Минаева, Анна Валерьевна.

М61 Первая тайна академии Грискор / Анна Минаева. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-118978-5

Умирать несложно. Сложнее разыграть спектакль для целой академии, чтобы вывести на чистую воду преступника. Эта ночь стала переломным моментом сразу для четверых студентов. Роли распределены: жертва, ловец, свидетель и наблюдающий. Теперь их связывают общие тайны, пугающие секреты и груз магии. У них нет выбора — им придется столкнуться с врагом лицом к лицу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Минаева А.В., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-118978-5

Часть I

ГОРЕЧЬ КОЛДОВСТВА

1. ТАБИТА ВАЕРС

— **О** Великий, она мертва! — отчаянный крик раздался над телом молодой студентки.

Табита Ваерс лежала на полу в одной из жилых комнат общежития. Бледная и холодная, как снег. По полу разметались каштановые волосы, голова была запрокинута, а руки раскинуты так, будто девушка упала с большой высоты.

Табита никак не отреагировала на крик подруги, которая рухнула на колени и уже даже не пыталась тормошить бездыханное тело.

О нет, Табита никак не отреагировала, но всё прекрасно слышала.

И если бы могла, то скривилась бы от надрывного рыдания соседки по комнате — Милред ван Темпф.

Когда девушка принимала зелье, она надеялась, что найдёт её вторая соседка и обойдется без этих сцен. Но Великий не пожелал услышать мольбы той, что разыгрывала самоубийство.

— Ох, Таби, зачем же ты это сделала? — надрывалась Милред, дрожащими руками вытаскивая из холодных пальцев подруги пустой флакон.

Этикетку на него Табита наклеила соответствующую. И теперь Милред была уверена, что соседка, с которой она съехала всего несколько недель назад, выпила яд.

— Он же не стоит этого! Ох... милая.

Да, «милая». Именно так Милред называла Табиту. Иногда звала «Таби». Но чаще ко всем обращалась именно «милая» или «милый». Милред это казалось приятным. А вот остальных часто передергивало.

Табиту бы тоже передернуло, но парализующее действие выпитого зелья сковало тело. На языке до сих пор ощущался терпкий привкус огненной полыни. А сердце билось так медленно, что никто не смог бы уловить пульс.

Ни один целитель.

Первокурсница дождалась, пока Милред возьмёт себя в руки и оповестит стражу. Те прибыли за холодным телом «усопшей» достаточно быстро, что не могло не радовать Табиту.

Именно на их плечи легла задача доставить погибшую в подвалы, где прохлада смогла бы сохранить Табиту Ваерс в достойном виде до разбирательства и похорон.

Вместе с ними прибыл и целитель, который вначале накачал Милред успокоительным и только потом занялся своими прямыми обязанностями. Он, должно быть, понял, что студентке Ваерс не помочь, как только переступил порог комнаты. Но проверка была обязательной процедурой, проводить которую ему в последнее время приходилось слишком часто.

— Мертва, — констатировал лекарь, предварительно прошептав над телом заклинание.

Если бы Табита Ваерс могла, она бы облегчённо вздохнула.

Или же нет?

Пожалуй, в последнее время она слишком часто задумывалась о том, что настоящая смерть была бы куда милосерднее, чем то, во что она оказалась втянута. И по пути до подвала, пока её тело спускали с шестого этажа общежития, у Табиты было время, чтобы прокрутить в голове всё, что случилось с ней за последние несколько месяцев.

А вспомнить было что.

* * *

Всё началось где-то год назад. Тогда Табита ещё ютилась с родителями в крохотном домике на Четвёртой улице в небольшом и грязном городе Нес-Тешасе. Городе, где жили одни работники фабрик, расположенных по периметру небольшого поселения.

Её семья не была исключением. Отец трудился в отделе очистки руды, а мать работала в цехе изготовления флаконов для зелий из прочного стекла.

Оба не обладали магическим даром, потому занимали низкие должности и не могли рассчитывать хоть на какое-то повышение. Может, потому они и ненавидели магов. Или же причина крылась в чём-то другом?

Табита не знала.

Зато каждый день, возвращаясь из школы для таких же детей, как она сама, девушка становилась свидетельницей похожих друг на друг сцен и разговоров.

— Ненавижу их! — медведеобразный отец тяжело топал в тёмном коридоре, стягивая изношенное пальто и сбрасывал ботинки. После чего протискивался

в узкий проход и сажился на шатающийся табурет в кухне. — Ненавижу колдунов! Это же надо! Весь мир под них прогнулся! Марта, ну хоть ты скажи!

Мама, которая была худосочной и нескладной, всегда заходила в дом второй. Плотно запирала двери, будто боялась, что кто-то может позариться на их скудное имущество, и спешила за мужем.

— Да, они всё перевернули с ног на голову, — поддакивала она. А Табита слушала их разговоры через тонкую перегородку и старалась сосредоточиться на домашнем задании.

— Ты представляешь, сегодня начальник отдела сказал, что следующая поставка руды будет разделена между Матиасом и Бруном! У меня не будет работы на несколько недель! — Следом слышался удар кулаком по хлипкому столу. — А всё потому, что они чародеи! Слабые, но, мать их, чародеи!

— Выкарабкаемся, — повторяла мама. — Не впервой.

— Да! Но это же несправедливо!

Табита прислушивалась к разговору и с трудом сдерживала слёзы. Руки дрожали, строчки в тетради получались кривыми. Нужно было переписывать...

Но девочка не видела этого, глаза застилала белесая пелена, с губ рвался всхлип. Она до ужаса боялась. А ещё ненавидела весь мир, ведь в ней самой было то, что так сильно презирали родители.

Она была магом.

Да, Табита Ваерс боялась, но всё же собиралась рассказать обо всём родным после окончания средней школы. Она оттягивала этот момент уже долгое время. Рисовала в воображении картины того, как родители смогут понять её и принять. Сумеют перебороть свою ненависть.

Она пыталась найти удачный момент для этого неизбежного разговора, но он всё никак не подворачивался. И от этого становилось только хуже.

Табита знала, что через несколько месяцев её будет ждать работа на заводе. Мама уже искала для неё место, чтобы приступить Таби могла с лета, забыв о таком чудесном слове, как «каникулы». От этой мысли опускались руки и всё сильнее вспыхивала ненависть к собственному дару.

Да, в такие моменты она была очень похожа на родителей, хоть и сама этого не понимала.

Табита не хотела превращаться в то, во что превратились её родители. Насколько бы сильно она их ни любила, отвращение после подобных подслушанных разговоров поднималось в душе высокой волной. Хотелось кричать до сорванного голоса, бить кулаками в потрёпанную подушку, из которой вырывались облачка пыли даже от лёгкого прикосновения.

Она ненавидела себя. Ненавидела весь мир. И боялась.

День выпуска постучал в дверь слишком быстро. И тогда пришлось принять первое в её жизни сложное решение.

— Вот ты и взрослая, — протянула мама, выряженная в самое лучшее платье из голубого бенгалина. Местами затёртое, хотя и редко надеваемое. Но чуть ли не единственное праздничное в её гардеробе, в котором хранились только рабочие робы и хлопковые бесцветные платья для выходного дня. — Настал твой черед помогать родителям. Я говорила с начальницей отдела, для тебя нашлось место в моём цехе. Можешь выходить на работу уже завтра...

Они втроём ютились в маленькой кухоньке, на узком столе стояли три чашки из единственного

старого сервиза и крохотный лимонный торт. На почерневшем от копоти потолке светился лишь один дешёвый, периодически мигающий кристалл. Это был единственный артефакт в их доме. Отец долго противился, но на свечах они могли разориться. И тогда было принято решение всё же поддаться и принести магам ещё одну монету в общую копилку награбленного.

Табита молчала, гипнотизировала взглядом свои руки и думала о том, что у неё осталось всего несколько мгновений спокойствия. А потом взгляд задержался на сладости, купленной к чаю впервые за два месяца.

Она обожала лимонные пироги и кексы. Возможно, потому что первый раз попробовала их в беззаботном детстве в один из тех дней, который навсегда остался в душе девушки ярким пятном.

Но сейчас угощение её совершенно не радовало. Как и разговор, который пришлось начать.

— Я... — она моментально осипла, будто собственный голос не желал слушаться, — я не пойду работать на завод.

Она произнесла это тихо, опустив глаза. А потом в душе проснулась та самая ненависть, которая до сих пор не могла найти мишень. И страх. Конечно же, страх.

Табита молила Великого, чтобы родители услышали её и поняли. Но этого не произошло.

— Что значит, ты не пойдешь на завод?! — возмутился отец. Его голос прогремел для дочери раскатом грома в ясный день. Она вздрогнула и ещё сильнее сжалась под его взглядом. — Ты что же это, собираешься всю жизнь сидеть на нашей с матерью шее? Ты пойдешь работать туда, куда мы скажем!

Табита бросила затравленный взгляд в сторону мамы. На какое-то короткое мгновение девушке показалось, что та сможет её поддержать, помочь, прийти на выручку.

Но это мгновение исчезло, как свежий воздух, который каждое утро испарялся с улиц Нес-Тешаса.

— Я полгода работала лишь за половину платы, чтобы тебе подыскали место, — выдохнула мама, нервно поправляя спутавшиеся каштановые волосы. За последние несколько лет в них прибавилось достаточно седых волос. И вряд ли она хотела, чтобы Табита стала причиной появления ещё парочки. — Завтра же ты выйдешь на работу. Это не обсуждается.

— Обсуждается.

Табита Ваерс сама не узнала свой голос, который прозвенел с той самой злостью и ненавистью, что жила в сердце девушки последние несколько лет.

— Я не пойду работать на завод, — она наконец нашла в себе силы поднять на родителей глаза.

И отец, кажется, не узнал её. Вечно кроткая и тихая дочь, должно быть, напугала его. Было в ней сейчас что-то такое, что могло заставить его сердце испуганно забиться. А потом этот страх превратился в злость.

Кажется, он сам не понял, как успел замахнуться на родную дочь. Ужас и бешенство толкали его. Наверное, в то мгновение мужчина боялся оказаться слабым, поддаться истерике ребёнка.

Но рука не достигла цели. Она не рассекла воздух. Нет! Она с громким шлепком врезалась в него — уплотнившийся воздух у самого лица его дочери.

— Что?..

Это единственное, что отец успел пробормотать, когда Табита вскочила из-за стола.

— Я не пойду работать на завод, — её голос зазвонел, а потом стал тише, будто девушка не потеряла надежды быть понятой. — Я... я смогу заработать больше денег своим... — Она набрала воздуха в грудь, будто бы это могло рассеять те чёрные точки, что плавали у неё перед глазами. — Я маг. Я обучусь и смогу наконец выплатить все долги и вытащить всех нас из этого затхлого места!

Табита не знала, откуда рождались эти слова. Сама бы она никогда не стала говорить с родителями в таком тоне. Но сейчас что-то изменилось.

— Маг? — медленно протянул отец, взглянув на своё дитя иными глазами. — Великий отвернулся от нас, Марта. Наша дочь... маг.

— Да не отвернулся он от нас! — попыталась достучаться до них Табита. Сейчас она боялась потерять родителей. Потерять навсегда из-за того, кем оказалась. Потому цеплялась за все возможные ниточки, чтобы собрать полотно воедино. — Я смогу сделать нашу жизнь лучше! Это ведь дар!

Она сама не верила этим словам. Так плотно засела в голове девушки мысль, что магия — зло. Она слышала эти слова всю свою жизнь, изо дня в день. И теперь внутри у неё что-то трещало каждый раз, когда она задумывалась о другой стороне своего дара.

— Я смогу обучиться, — тараторила Табита, силясь успеть сказать всё. — Смогу стать специалистом. Заработать столько денег, что больше у нашей семьи не будет никаких долгов. Не будет нужды тут ютиться. Мы купим большой дом, может, даже в столице. С садом, как хотела мама. С большим забором, как ты мечтал, пап.

Каждое последующее слово звучало тише предыдущего, ведь она прекрасно видела написанное на

лицах родителей отвращение. Это было по ней плетями, рассекало сердце и доставляло демоническую боль.

Ей не хватало воздуха. С каждым мгновением она все сильнее задыхалась, перед глазами уже не плясали чёрные точки, нет! Теперь взор застилала белая пелена отчаяния.

Они не поняли Табиту. Не приняли. Самый большой страх воплотился в реальность. Она стояла перед ними, чувствуя себя преданной.

Родители, которые должны были понимать её, принимать и поддерживать, отвернулись в один миг. Мать скривилась и поспешно отодвинула в сторону лимонный торт. Так, чтобы дочь не смогла до него дотянуться.

Пожалуй, именно это задело Табиту сильнее всего. Так она думала до тех пор, пока отец не отошел от шока и не произнес твёрдым голосом слова, которые потом будут разрывать её на куски многие ночи подряд.

— Ты нам больше не дочь, — его голос был тихим, но таким твёрдым, что мог бы разбить даже зачарованное стекло. Отец прожёт Табиту взглядом, от которого у девушки горло сжало спазмом. — Выметайся! Неблагодарная дрянь! Демон!

Он ударил кулаком по столу, чашки с ещё горячим чаем подпрыгнули и отчаянно зазвенели.

В унисон с сердцем Табиты Ваерс.

Она вылетела из кухни быстрее, чем отец успел разжать ладонь. Мать заплакала. Но вряд ли плакала она из-за ссоры или из-за дара дочери. Скорее, причина её слёз крылась только в том, что они только что лишились человека, который мог помочь выплатить непомерные долги, в которые их семья была вынуждена влезть, чтобы выжить.

В это время Табиту накрывала истерика. Она знала, что так и будет. Знала, но до последнего надеялась на лучшее. Девушка просто не хотела верить, что отец мог сказать такое. Он не шутил. Не был в пылу гнева. Нет! Он сказал это настолько уверенно, что она поняла: слов своих мужчина обратно не заберёт.

Да, теперь уже мужчина. Потому что она ему больше не дочь.

Табита всхлипнула, поспешно стёрла дрожащими ладонями дорожки от слёз и побросала свои пожитки в небольшой школьный мешок.

Раньше в нём жили тетради, письменные принадлежности и учебник, который удалось урвать в школьной библиотеке. Сейчас же туда с лёгкостью поместилось запасное нижнее белье, аттестат об окончании средней школы, зубная щётка и деревянный резной гребешок.

Больше ей взять с собой было нечего.

Влетев из комнаты, девушка с трудом открыла входную дверь. Пальцы не слушались, замок поддался только с третьего раза. А когда это случилось, Табита на мгновение замерла на пороге.

Ей хотелось верить, что родители опомнятся. Мама сейчас выбежит из кухни, обнимет, прижмёт к груди. Может, даже поцелует в макушку, как делала это в далёком детстве. А потом нашепчет на ухо, что всё будет хорошо. Они со всем справятся. И нет никаких проблем в её магическом даре.

Нет проблем в Табите.

Может, вслед за ней выйдет и отец. Скажет, что погорячился. Не извинится, нет. Извинений от него никто сроду не слышал. Но просто признает, что оказался чуточку не прав.

Да только в крохотном домике на Четвёртой улице царила такая тишина, будто все вымерли. В одно мгновение.

Табита скрипнула зубами и дала себе обещание, которое тяжёлым грузом осело на сердце: «Наступит тот день, когда он передо мной извинится. Обязательно наступит. Я добьюсь этого».

После чего выбежала на пыльную узкую улицу и хлопнула дверью. Она надеялась, что родители хотя бы вздрогнут от этого звука.

Но на кухне все застыли, как каменные статуи.

2. МИЛРЕД ВАН ТЕМПФ

Милред никогда не считала себя тихой, но в тот момент, когда поняла, что перед ней тело мёртвой соседки, девушка даже саму себя оглушила испуганным визгом.

— Великий, — запричитала Милред, ползая на коленях вокруг бледной Табиты и пытаясь нащупать пульс и понять, жива ли та. Может, ей ещё можно помочь...

На факультете ведьмовства ничему подобному не учили, и уже в который раз судьба будто тыкала носом девушку в то, что надо было поступать на чародейский. Будто бы поддерживала все шутки и издёвки однокурсников на эту тему.

А таковых было много. Почти все знакомые считали своим долгом сообщить, что даже внешность девушки кричала о том, что нельзя ей быть ведьмой. Проклятия и зелья — это не её оружие. Что надо

было поступать на чародейский и искать счастья там.

Ох, сколько было брошенных в спину издёвок, на которые Милред старалась не обращать внимания. Но сейчас она всерьёз задумалась о том, а не правы ли все они были?

Первокурсница в который раз попыталась растормошить Табиту, не веря в серьёзность случившегося. А когда осознала... замерла всего на мгновение, понимая, что надо звать лекаря и стражу.

Вздрогнула и поймала своё отражение в зеркале на стене. Вспомнила в который раз все насмешки и краем сознания отметила, что выглядит сейчас ничуть не лучше мёртвой Табиты, но всё равно не похожа на типичную ведьму.

Кожа такая светлая, что практически просвечиваются вены. Сейчас ещё ярче видны веснушки. Светлорыжие волосы растрепались, теряя всякий порядочный вид. Но больше всего Милред зацепил тот испуг, который девушка прочитала в собственных серых глазах.

Она впервые столкнулась со смертью. Настолько неожиданной та оказалась.

Нет, Милред не была дурой. Она понимала, что подготовиться к смерти практически невозможно. Но чтобы вот так, возвращаясь с лекции по основам ведьмовства, найти в комнате труп...

— Ох, милая, — прошептала Милред, погладив Табиту по волосам, будто прощаясь с ней. Но на самом деле в голове дочери графа ван Темпф ещё не укладывалось всё произошедшее.

Она дождалась стражу и лекаря, когда первые звоночки понимания начали тревожить её душу. На глаза навернулись слёзы, нижняя губа испуганно задрожала.

Милред ван Темпф с запозданием ощутила холодную ауру смерти, прошедшую мимо. Это напугало её до потери связи с реальностью.

Она практически не заметила, как лекарь заставил её выпить какое-то сладкое зелье, после которого по телу распространилось предательское расслабление и тепло. Она не заметила, как тело Табиты Ваерс вынесли из комнаты. Она даже не заметила, как оказалась одна.

Девушка сидела на своей узкой запроваленной кровати и гипнотизировала взглядом ещё два пустующих спальных места. И в её голове не укладывалось, что одно из них сегодня никто не займёт.

Она очнулась только тогда, когда дверь в небольшую комнату хлопнула.

В помещение тайфуном ворвалась гибкая высокая девушка. Гвин Умильген выглядела так же, как всегда выглядела по вечерам: затянутые в тугий пучок короткие чёрные волосы, бронзовая кожа, покрытая пылью, в тренировочном брючном костюме появились новые дыры.

«Ей не мешало бы переодеться и принять душ», — заметила Милред. И только потом вернулась в реальность, где произошла настоящая трагедия.

— У тебя сурьма смазалась. — Гвин окинула взглядом соседку по комнате и раздраженно фыркнула. — Опять отвечала на «пять», а получила «четыре»? Или чего рыдала?

Милред вскинула мокрые от слёз глаза на девушку, которую считала своей подругой.

Да, Милред не была душой, она понимала, кто и как к ней относится. Несмотря на всю холодность и грубость, Гвин была ей подругой.

Как и Табита.

— Она выпила яд, — одними губами прошептала Милред, чувствуя, как от этих слов по коже ползут мурашки. — Табита... выпила яд.

— Что ты такое говоришь? — возмутилась Гвин, снимая с плеча сумку со стрелами. Парочка из них подсвечивалась из-за чар, а несколько оказались сломаны. Милред была уверена, что половину ночи Гвин провела бы за их починкой. Но сейчас...

— Её забрали, — всхлипнула Милред, ощущая, как страх накатывает на неё новой волной. А потом выдавила последнюю часть фразы, после которой Гвин побледнела. — В подвалы.

В небольшой комнате с одним окном, тремя кроватями и высоким платяным шкафом на всех две девушки смотрели друг на друга, не желая верить в произошедшее.

— Расскажи всё, — потребовала Гвин, кажется, забыв обо всех планах на этот вечер.

И Милред рассказала. Не так, как она умела. Без приукрашиваний, уточнений и долгих описаний. Милред ван Темпф заикалась, сбивалась и всхлипывала, когда рассказывала о своём возвращении в общечитие.

В какой-то момент Гвин достала из-под своей кровати бутылку вина. Одним ловким движением сорвала с неё пробку и протянула подруге. Милред даже не стала спрашивать, откуда у той запрещённый алкоголь. Не стала напоминать, что за такое их обеих могут выставить за дверь академии Грискор.

Просто обхватила бутылку двумя руками и прижалась губами к горлышку. Сделала два больших глотка кислого крепкого вина, закашлялась. Алкоголь пошёл носом.

Но Милред бы солгала, если бы сказала, что зелье лекаря помогло больше.

Гвин бесцеремонно вырвала бутылку из рук соседки, похлопала ту по спине, не принимая во внимание её статус в обществе. И тоже сделала два крепких глотка. Скривилась, вздрогнула и рвано выдохнула.

В этом была вся Гвин. Милред нравилось то, как стойко та справляется как с большими, так и с маленькими проблемами. И позавидовала ей в который раз.

Обе девушки молчали, отбирали друг у друга бутылку и делали один или два глотка. Милред сбилась со счёта, сколько она уже выпила. Сейчас в её голове царил настоящий туман. И пусть тот был не в силах помочь ей понять, как справиться с ударом, он мог немного притушить испуг. Ненадолго. На несколько часов.

Милред подняла глаза к окну, за которым перемигивались яркие звёзды. Небо в эту ночь оказалось безоблачным и холодным. Каким бывает только в конце зимы.

Снег ещё лежал на земле высокими сугробами, блестел алмазной крошкой под рассеянным светом далеких светил. Высокие деревья сгибались под тяжестью льда, налипшего броней на ветви, стонали под резкими порывами северного ветра, скрипели.

Милред вспомнила о том, что на выходных договорилась поиграть с Табитой в снежки. Они так редко могли себе это позволить из-за учебы, что дочь графа ждала этого момента с нетерпением.

А теперь... теперь Таби нет.

— Я помню, как мы с ней в первый раз встретились, — произнесла девушка, в какой-то момент осознав, что лежит на спине, но всё ещё смотрит в окно.

— И как? — Гвин вряд ли горела желанием поддерживать сейчас разговор, но всё же пришла на помощь подруге.

— Это было в день поступления, — медленно заговорила Милред. Вино вернуло ей её способность говорить и расписывать происходящее так красочно, как умела только она.

Первокурсница прикрыла глаза, мысленно возвращаясь в тот день, будто это было вчера.

* * *

Милред долго добиралась до академии чародейства и ведьмовства Грискор. Граф ван Темпф, хоть и был не из бедных, оплату порталов себе позволить не мог. Потому ехала его единственная и любимая дочь на учёбу в удобной тёмной карете с позолоченными вензелями и гербом дома ван Темпф — трёхголовым василиском.

Когда слуга сообщил молодой госпоже о том, что они уже подъезжают к учебному заведению, та не могла усидеть на месте. Мяла в руках шторку из плотного тёмного бархата, кусала губы и старалась рассмотреть строение, к которому они приближались.

Милред много успела прочитать и узнать об академии Грискор, и оттого скорее хотела увидеть всё своими глазами.

Девушка ловила недовольные взгляды слуги, который должен был её сопровождать, но не обращала на это внимания. А когда смогла разглядеть шпили замка среди скал, так и вовсе позабыла обо всём остальном.

Она с жадностью вглядывалась в высокие светло-серые башни главного корпуса, рассматривала статуи

горгулий, украшающие и будто поддерживающие покатую крышу из красной черепицы. И наслаждалась видом.

Замковый комплекс академии органично вписывался в горный ландшафт, прижимаясь к скальной гряде, защищающей местность от холодных северных ветров и снега. О нет, горы вряд ли не пропускали их вовсе, но, по крайней мере, Грискор не заметало зимой по самую крышу.

«А ведь маги могут вмиг растопить весь снег, даже если такое и случится», — подумала тогда Милред.

Серые каменные стены становились всё ближе, карета по узкой горной тропке ехала всё медленнее. Лошади испуганно ржали и аккуратно переставляли ноги, боясь рухнуть с очередного обрыва.

Опасных мест Милред в окно не видела. И мысленно подгоняла возницу и животных. Ей не терпелось оказаться на территории академии, где ей предстояло проучиться пять счастливых и весёлых лет.

А они просто обязаны быть таковыми. Милред ван Темпф даже не сомневалась. Когда же карета наконец остановилась, девушка вылетела на улицу, не дожидаясь, пока слуга выйдет первым и откроет ей дверь.

Запнувшись о камень, дочь графа чуть не упала. Она устояла лишь каким-то чудом и, распахнув от удивления рот, принялась разглядывать огромный замковый комплекс. Здесь ей придется учиться. Здесь!

Счастью Милред не было предела. После многих лет домашнего обучения она наконец смогла уговорить отца отпустить её. Это будет самое незабываемое приключение в её жизни! Определенно, будет именно так!

Милред нетерпеливо приплясывала на месте, пока доставали её багаж, а стража академии открывала во-

рота. Она ждала, пока ей расскажут об экзаменах, которые нужно досдать. Часть она выслала ещё месяц назад, отец договорился. Остальное предполагалось сдать на месте.

В то мгновение в голове у девушки даже не появлялось мысли, что у неё может не получиться. О нет, Милред была уверена, что уже к вечеру станет настоящей студенткой академии чародейства и ведьмовства Грискор.

Вслед за стражниками она буквально летела, не чувствуя земли. Улыбалась так, что вскоре начали болеть скулы. И не обращала внимания на то, что мимо проходили хмурые подростки.

Милред ван Темпф видела только свою цель и шла к ней, не собираясь отвлекаться на всякие мелочи.

— Простите, — голос коснулся слуха аристократки и заставил обернуться.

В пяти шагах от замершей на месте процессии стояла невысокая и очень худая девушка в потрепанном, потерявшем цвет платье до колена. Каштановые волосы оказались неровно обрезаны и едва достигали плеч. Лицо и руки все в пыли, будто незнакомка долгое время побиралась. Через щёку тянулась уже подзажившая царапина. Кожа вокруг неё слегка покраснела и воспалилась. Но, казалось, девушку это совершенно не беспокоило.

Милред остановилась только потому, что голос показался ей очень чистым и мелодичным. Подобным голосом должны были обладать известные барды или величественные герцогини. Но никак не нищенки, одна из которых к ней почему-то обратилась.

— Я что-то могу для тебя сделать? — дочь графа ван Темпф никогда не считала себя высокомерной, но сейчас впервые почувствовала себя выше другого.

И ей это совершенно не понравилось.

— Может, вы знаете, где проходят испытания для поступления? — спросила незнакомка, поднимая глаза на Милред.

И в ту секунду Мили, как ласково называл её в детстве отец, поняла, что причиной остановки был не только голос. Стоило ей только заглянуть в большие зелёные глаза, полные надежды и силы, как... Как Милред яснее почувствовала нестигаемый стержень внутри девушки. Она остановилась именно поэтому.

Милред ван Темпф всегда привлекали сильные люди. Сильные где-то внутри. Она будто чувствовала их и тянулась, как тянется цветок к солнцу.

— Как тебя зовут? — прошептала она, глядя на девушку, которая вряд ли была сильно старше самой Милред.

— Табита, — произнесла нищенка. — Мое имя Табита Ваерс.

— Меня зовут Милред..

— Госпожа, — слуга постарался поторопить графскую дочь, которая почему-то решила заговорить с чернью.

Но Милред чуть ли не впервые применила жест, который видела у своего отца, — резко вскинутая рука и тут же сжатый кулак. Знак того, что кому-то стоит помолчать. Если слуга и удивился этому, виду не подал. Отступил на шаг и опустил голову, подчиняясь приказу молодой госпожи.

— Меня зовут Милред ван Темпф, — закончила она свою мысль, обращаясь к Табите Ваерс как к равной. — Я сама сейчас ищу, где можно сдать экзамены. Если хочешь, можем пойти вместе.

Новая знакомая бросила короткий взгляд в сторону сопровождающих девушку слуг и стражи. С со-

мнением закусила губу. Милред видела, что она уже собирается отказаться, потому надавила:

— Пойдём. Вдвоём веселее.

— Я сюда не за весельем прибыла, госпожа...

— Просто Милред, — попросила она, легко улыбувшись. — Мы ведь скоро обе станем просто первокурсницами. Пойдём.

Она жестом подозвала Табиту и так же безмолвно отдала процессии приказ двигаться дальше.

Окликнувшая её девушка ещё мгновение топталась на месте, а потом поспешила нагнать Милред. Шла она рядом, но чуть в стороне, чтобы в случае чего успеть удрать.

— Сколько тебе лет? — попыталась поддержать разговор Милред.

— Семнадцать, госпожа...

— Я же просила, — вздохнула графская дочь, совершенно отчаявшись. Она не могла ошибиться в идущей рядом с ней девушке. И совершенно не хотела, чтобы понравившийся ей человек видел в ней только титул отца.

Только отца.

Но об этом Милред и вовсе предпочитала не говорить. Лишь её семья и высшие аристократы знали правду. Хотя, может, когда-нибудь она и решится раскрыть эту тайну самым близким друзьям? Но для этого этих самых друзей стоило найти.

— Прости, — выдохнула Табита. — А... тебе?

Последнее слово прозвучало так тихо и неуверенно, будто девушка ещё не осознала, что ей только что дали разрешение обращаться к дочери графа как к равной.

— Скоро будет восемнадцать, — с радостью в голосе отозвалась Милред. — Мы с тобой ровесницы.

Табита только кивнула.

А леди ван Темпф с грустью отметила, как позорному к ним относилась жизнь. И пусть она не знала истории Табиты, невооружённым взглядом было видно, как трудно ей было все эти годы.

— Ваша милость, прошу сюда, — стражник заботливо отступил, открывая для процессии тяжёлую чёрную дверь без каких-либо опознавательных знаков.

Был ли это главный вход в академию, Милред не знала. Но это пока. Потом она изучит каждый уголок академии. Обязательно!

— Вот видишь, скоро уже придём, — обрадовалась девушка, обращаясь к Табите. — А там и экзамены сдадим. Ты на кого хочешь обучиться?

— Я... я не знаю, — сбивчиво ответила новая знакомая и, кажется, даже покраснела.

— Не знаешь? — удивилась Милред, опять остановившись.

Она только краем глаза успела отметить, что шагнули они пусть в освещённый и широкий, но всё же коридор. А значит, в здание их провели не через главный ход. Леди ван Темпф даже догадывалась о причине такого действия, но совершенно не оскорбилась. Это было понятно, как ясный день, что дорогой принцев и приглашённых ректором студентов их не поведут.

— Я ничего не знаю о магии, — легко призналась Табита. — Надеюсь, что в академии мне с этим помогут.

— Совсем-совсем ничего?

— Да.

Милред только мысленно удивилась тому, как вообще можно ничего не знать. Но упрекать новую

знакомую не хотела. Та ей понравилась. И у леди ван Темпф появилось огромное желание помочь.

— Ох, милая, смотри, — радостно начала она, взмахнув руками и, кажется, не заметив, что все вокруг её ждут, — в этой академии ты можешь стать чародейкой или ведьмой.

Она даже не допускала в тот момент мысли, что у девушки может вообще не хватить силы дара на поступление.

— А в чем разница? — заинтересовалась Табита.

— Изучают разные предметы, — объяснила она. — Чародеи в будущем могут стать целителями, храмовниками, исследователями магии, артефакторами и, конечно же, боевыми магами...

Она запнулась, сиюсь вспомнить, не пропустила ли какую-то из специальностей. А потом махнула рукой — общую картину она нарисовала, краски можно добавить чуть позже.

— Факультет ведьмовства может сделать тебя алхимиком, артефактором, призывателем, рассеивателем...

— Ты дважды назвала артефакторов, — с сомнением протянула Табита Ваерс.

— Это пересекающиеся специальности, — с готовностью объяснила графская дочь. — Боевым магом тоже можно стать после факультета ведьмовства. Тут главный вопрос в том, чего бы тебе больше хотелось.

Она могла бы углубиться в описание различных специальностей, так как уже много успела прочитать и узнать из других источников. Но стоило Милред только задуматься об этом, как она сама задышалась от того величия, что их обеих ждало в будущем. Она терялась и не знала, с чего начать.

— Где больше платят?

Вопрос Табиты поставил Милред в тупик. Даже обезоружил.

Леди ван Темпф могла рассказать о приключениях, интересных случаях, но никак не о том, где можно получить больше золота. Об этом девушка даже не задумывалась.

— Артефакторам хорошо платят, — подал голос один из стражников, прислушивающийся к разговору. — И лекарям.

— Это чародейский, верно? — уточнила Табита. И, получив утвердительный кивок, довольно улыбнулась.

Милред поняла, что новая знакомая приняла решение. И ей стало немного грустно. Сама Милред уже подала заявку на поступление на другой факультет. А это значило, что вместе им уже не учиться.

— Артефактором можно стать, и обучаясь на факультете ведьмовства, — предприняла она слабую попытку.

— Но если я поступлю на чародейский, то смогу научиться и целительству, — заметила Табита.

Леди ван Темпф кивнула, хотя и не смирилась с тем, что придётся расстаться с новой знакомой.

— Ваша милость, нам нужно поторопиться, — напомнил о себе слуга.

Милред вздрогнула, огладила руками оборки тёмного дорожного платья, которое казалось ей слишком тяжелым и мрачным, а потом кивнула.

Процессия возобновила свой путь. Табита не отставала. Вряд ли она представляла, насколько сложными могут оказаться экзамены. Милред уже сдала половину и понимала, что без чужой помощи обычной девчонке поступить будет очень непросто.

Сложив пальцы в несложный жест, леди ван Темпф прошептала короткое заклинание. Лёгкое.

Она изучила его ещё два года назад, и оно всегда срабатывало.

Чары можно было бы отнести к проклятиям. Но они усиливали врождённую удачу. Всего на несколько часов. Этого должно было хватить Табите, чтобы поступить.

Зачем она это тогда сделала? Милред не смогла бы ответить. Ей просто так захотелось. Леди ван Темпф хотела нести свет и радость в этот мир. Так почему бы не начать с ближнего?

Когда чары коснулись Табиты, девушка вздрогнула. Дёрнулась и обернулась. Она будто почувствовала прикосновение чужой магии. Хотя это было просто невозможно!

Только сильные и умелые маги могут ощущать прикосновение посторонних чар. И то не всегда. Исследователи магии уже многие годы бьются над тем, чтобы чары стали заметны для всех. Но пока безрезультатно.

Об этом Милред тоже читала. И потому сильно удивилась реакции новой знакомой.

Но вскоре позабыла об этом, потому что стражник остановился у одной из дверей на третьем этаже. Осмотреться Милред не успела, так сильно ей хотелось оказаться в одной из академических аудиторий и ощутить вкус учёбы вне стен дома.

Она прошла первой, за ней проследовали слуги, а потом и Табита.

Помещение, в котором они все оказались, было огромным. Высокие потолки терялись во мраке, даже магические светильники были не в силах его рассеять. Напротив входа возвышался большой дубовый стол, за ним висела огромная, на всю стену, чёрная доска, подсвеченная несколькими оранжевыми кри-

сталлами по периметру, вживлёнными прямо в нее. Такая, если упадет, придавит так, что ни один силач не сможет выбраться из ловушки.

А напротив кафедры лестницей вверх уходили светлые столы. Самые ближние стояли на уровне преподавательского стола. И чем дальше — тем выше начиналась столешница. У Милред от этого зрелища голова закружилась. Она так глубоко вздохнула от восхищения, что даже чёрные мушки перед глазами заплясали.

И эта аудитория была совершенно пустой, если не считать невысокого преподавателя в тёмной мантии у стола. Мужчина в годах с короткой светлой бородой выжидал и не выказывал удивления тем фактом, что вместо одной будущей студентки, пришли две.

— Добрый день, — первой заговорила Милред, силой воли отрывая взгляд от стен, украшенных картинами. Она пообещала себе, что потом всё-всё рассматривает. А сейчас есть дела поважнее. — Мое имя Милред ван Темпф.

— Добро пожаловать в стены академии Грискор, леди ван Темпф, — отозвался мужчина, мазнув по Табите рассеянным взглядом. — Мы получили ваши ответы. Осталась только практическая проверка дара. Вы готовы?

— Да, — радостно отозвалась она и тут же осеклась. — Как я могу к вам обращаться?

— Младший преподаватель Тонотан.

— Младший преподаватель Тонотан, — повторила девушка, а потом легко улыбнулась. — Я бы хотела попросить вас принять экзамены у моей подруги. Табиты Ваерс.

При звуке своего имени новая знакомая удивлённо обернулась.

А Милред продолжила, зная, что с такой улыбкой ей попросту невозможно отказать:

— У меня осталось всего два практических экзамена, я могу и подождать.

— Для поступления в академию вашей подруге вначале нужно будет заполнить несколько бланков, — спокойно пояснил младший преподаватель. — Это займет время, которого вам хватит, чтобы ответить.

Звучало разумно. Но леди ван Темпф буквально почувствовала, что если сейчас не надавит, то её новая знакомая ни за что не поступит в академию Грискор. Её могут выставить за двери, обозвать оборванкой...

Именно такой сейчас все видели Табиту. Все. Но только не Милред.

— Мой слуга заполнит необходимые бланки, пока Табита будет сдавать практическую часть.

Девушка, о которой сейчас шёл разговор, попыталась обратиться к Милред. Но та лишь качнула головой и вновь расплылась в той улыбке, которую ещё никому не удалось одолеть.

В этот раз тоже. Потому что спустя несколько минут слуга принял из рук Табиты её аттестат об окончании средней школы и направился заполнять бланки. Общая информация у него была: имя, возраст, образование и название факультета, на который желала поступить новая знакомая его госпожи. Остальное по велению Милред ван Темпф он оставил незаполненным.

А Табита подошла к младшему преподавателю. Если ей и было страшно, дочь графа этого не видела.

— Какой факультет? — сухо поинтересовался мужчина, одарив Табиту именно таким взглядом, какого и ожидала Милред.

Девушку бы точно выставили за дверь, если бы не она. И та щепотка удачи, которая упала на плечи новой знакомой с лёгким проклятием.

— Чародейства, — спокойно отозвала Табита. Она будто не замечала того презрения и высокомерия, которые видела графская дочь в глазах преподавателя. — Специальность нужно сейчас выбрать?

Младший преподаватель тихо фыркнул и качнул головой:

— Нет. Для начала нужно понять, годится ли твой дар для поступления. А после проверить, подходит ли он для выбранного факультета.

Она просто кивнула и замерла. Преподаватель напротив тоже стоял истуканом. Буквально несколько мгновений, а потом раздражённо проговорил:

— Ты начнёшь колдовать?

— Сейчас? — Табита удивленно вскинула брови. — Я думала, что этому меня тут обучат.

— Совершенно никаких знаний в магии? — противно усмехнулся младший преподаватель Тонотан, будто уже принял решение отказать этой девушке.

— Нет. Но дар есть, — пожала плечами Табита. — Я слышала, что можно как-то измерить его силу. Почему не начать с этого?

В это мгновение Милред ею восхитилась. Табита не смутилась и не стушеввалась. Она будто специально игнорировала все нелицеприятные действия и слова преподавателя. И говорила с ним на равных.

С Милред не стала. А вот с ним...

— Верно, такой способ есть, — процедил сквозь зубы колдун, бросив в сторону графской дочери короткий взгляд. В нем так и читался вопрос, какого демона она притащила с собой эту наглую девчонку.

Через некоторое время, ушедшее у младшего преподавателя Тонотана на поиск нужного артефакта в ящике стола, Табита дождалась возможности проверить дар.

Ей протянули небольшое чёрное блюдце из плотного матового материала. И тонкий чёрный кинжал с деревянной ручкой.

— Кровь на артефакт, — распорядился младший преподаватель, явно надеясь на то, что силы у Табиты не окажется.

Милред же, наоборот, затаила дыхание, ожидая подтверждения своей догадки. Интуиция ведь не могла ошибиться. Табита должна оказаться с сильным даром. Она должна поступить.

Леди ван Темпф думала, что сейчас девушка скривится, когда придётся сделать порез. Но Табита даже бровью не повела, полоснула себя кинжалом по ладони и сжала кулак. Тёмно-красная капля медленно начала увеличиваться в размерах, покачиваться и ловить солнечные лучи, проникающие в помещение через большие окна. А потом сорвалась вниз и разбилась о поверхность блюдца.

Милред, кажется, забыла, как дышать. Она ещё не видела этот ритуал вживую. Только слышала о нём. И читала.

Из книг она знала, что если артефакт останется черным, то у человека или нет силы, или она так слаба, что нет смысла возиться с обучением. Если кайма окрасится в цвет крови, перед ними маг, которого можно обучать. Если алым окажется большая часть артефакта, то человек, пожертвовавший кровь, силён. Таким магам открыты почти все двери.

Милред лишь несколько раз встречала упоминание о случаях, когда артефакт становился алым пол-

ностью. И все маги, о которых рассказывалось при этом, становились великими людьми. Архичародеями и архиведьмаками.

Она вспомнила, что последним, о ком читала, был Ифран Безумный. Властитель построенной на крови империи Бамфан.

Блюдце в руках Табиты вспыхнуло. В аудитории повисла могильная тишина. Артефакт в руках нищенки окрасился в красный. Без единого чёрного пятна.

3. ГВИН УМИЛЬТЕН

— **Т**ак это ты привела её в академию? — хмыкнула Гвин, выслушав рассказ подруги. Вино уже давно закончилось, и это огорчило девушку.

— Да, — грустно вздохнула Милред. — И это я виновата в том, что она... она...

Дочь графа всхлипнула и отвернулась. А Гвин, не задумываясь, отвесила ей лёгкий, но довольно звонкий подзатыльник.

«Чтобы все мозги на место встали», — как говаривал отец Гвин, когда достаивал дочь подобного «наказания».

Гвин же никогда не обижалась на эту меру воспитания. Она даже иногда специально создавала проблемы, чтобы послушать грозный голос Лорда Севера и впитать ту мудрость, что тот излучал.

— Ой! — воскликнула Милред, скидывая руку к голове. — Ты меня ударила?

— Мозги на место поставила. Ты не виновата в случившемся. Это было решение Табиты. Слабое и

глупое. Но её, — спокойно отозвалась Гвин, а потом указала на кровать. — А теперь иди спать.

— Но, Гви-и-ин, — попыталась было о чём-то заговорить дочь графа. Но та, которую в родном клане прозвали Валькирией, даже слушать ничего не захотела.

— Спать! — рыкнула девушка, теряя терпение.

Милред насупленно шмыгнула носом и поплелась менять форму академии на ночную сорочку. Пока переодевалась, ворчала себе что-то под нос, а потом прошептала, уже забираясь в постель:

— Я думала, что она сильная.

— Она и была сильной, — грустно хмыкнула Валькирия, так и не повернувшись лицом к Милред. — Как минимум у неё был сильный магический дар.

Гвин Умильген впервые услышала о том, что артефакт от крови Табиты Ваерс окрасился в алый полностью. А ведь слухи о таких вещах обычно распространялись довольно быстро.

Но обижаться на подругу не видела смысла.

Гвин Умильген прекрасно понимала, что у всех есть свои секреты. Грустно было только узнавать о них не в дружеской беседе, а после смерти обладателя тайны.

Она тихо сидела за единственным письменным столом, разбирая сумку со стрелами, прислушивалась к дыханию Милред и незаметно даже для самой себя покусывала губы. Руки работали без участия головы. Самостоятельно находили разломы и трещины в древке стрел, применяли несложные заклинания починки, зачаровывали их на бронестойкость и скорость. Это её успокаивало. Давало какую-то уверенность, что всё можно починить. Всё можно исправить.

Гвин всегда занималась своим небольшим арсеналом оружия, когда нужно было собраться с мыслями. Когда требовалось найти решение.

И только когда дыхание Милред ван Темпф сменилось с обиженного и громкого на спокойное и размеренное, Гвин отложила стрелу со странным тонким остриём в сторону. Осторожно обернулась и посмотрела на подругу.

«Сестрёнка, *ты тоже должна быть сильной*», — пронеслось в голове у девушки.

Да, именно так она воспринимала шумную и взбалмошную Милред. Как младшую сестру, которой у Гвин Умильтен никогда не было.

Пусть Милред часто раздражала, подталкивала к грубостям и резким словам, в глубине души Гвин любила её. Как и Табита.

Валькирия грустно усмехнулась, вспоминая последнюю перепалку Табиты и Милред. Кажется, в тот вечер Милред хотела запросить разрешение у ректора отправиться в выходные в ближайший город и сходить на концерт любимой группы бардов. Как же она называлась?..

«Проклятые неизвестностью»? Да! Точно!

Табита тоже любила эту группу, но в этот раз напрочь отказалась пойти. У неё были проблемы с учёбой. И все выходные она собиралась посвятить книгам.

Ох, в тот вечер от споров и доводов дрожали стены. А Гвин наблюдала за всем происходящим отстранённо, с долей безразличия, лишь иногда посмеивалась и подкалывала обеих, когда кто-то начинал перегибать палку.

Но даже тогда они оставались подругами.

И именно потому Гвин не понимала, почему никто из них не заметил предпосылок к случившемуся. Да, в последнее время Табита стала скрытной и мало разговаривала. Но они с Милред, посоветовавшись, решили, что это из-за проблем с учёбой. И уж никак не связано с ним.

Ведь Таби пережила это.

А тут такой удар.

Гвин посмотрела на пол, где, по словам Милред, та нашла тело. И сжала руки в кулаки. Резко и до боли.

«Слабость — первый шаг к смерти», — так любил говорить её отец. И эта поговорка засела в сердце Гвин острой иглой. Девушка повторяла её каждый раз, когда собиралась отступить или прогнуться под обстоятельства.

Гвин видела слабость в других, это было талантом Валькирии, привитым отцом.

Гвин видела, как Милред сложно в академии из-за издёвок и шуток однокурсников. Видела, как мучается Табита из-за случившегося.

Но слабости в них она не видела никогда.

Может, потому они и были её подругами...

Гвин допускала такую мысль. И потому сейчас была так сильно сосредоточена на том, что с этим самоубийством что-то не так. Табита бы не стала пить яд. Это уж точно. А значит...

Валькирия бросила взгляд в сторону окна, за которым началась вьюга, и медленно поднялась на ноги. Стул тихонечко скрипнул, но этот звук не разбудил Милред. Дочь графа обнимала во сне подушку и тихо посапывала.

Гвин простояла на месте ещё несколько ударов сердца, чтобы удостовериться в том, что бодрствует сейчас только она. А потом шагнула к шкафу, обхва-

тила тонкими пальцами металлическую ручку, открыла створку и начала одеваться. Порылась в тряпках, которые когда-то были её тренировочными костюмами, и нащупала то, что искала.

В руках Гвин оказался короткий меч в кожаных ножнах, украшенных россыпью янтаря.

Она погладила пальцами рукоять оружия, которому сама дала имя, приладила его к поясу и довольно усмехнулась.

Со всем этим что-то не так. И разобраться Гвин Умильген с этим сможет, только если наведается в подвалы. Тогда-то она точно найдёт ответы и поймёт, что произошло на самом деле.

Воспрянув духом, она уже собиралась закрыть шкаф и шагнуть к выходу из комнаты, но зацепилась взглядом за один предмет, лежащий на нижней полке. Сердце Валькирии болезненно сжалось. Ровно так же, как сжались её пальцы на рукояти клинка.

На нижней полке лежала разорванная книга. Табита её сохранила. И как Гвин её раньше не замечала? А ведь именно из-за неё она заговорила с Табитой. В то утро...

* * *

В то утро в академии чародейства и ведьмовства Грискор начался новый учебный год. Гвин Умильген прибыла на место раньше остальных, и за выдавшиеся свободные дни успела посетить торговый квартал в ближайшем городе, написать отцу письмо и даже найти площадку для тренировок. А после взять разрешение в деканате на её посещение в любое время.

На первую совмещённую лекцию она шла налегке. Ни книг, ни тетрадей у неё с собой не было. Вальки-

рия была уверена, что самое важное она сможет запомнить. А что не запомнит — было не таким уж и важным.

Девушка не собиралась работать на оценки и похвалы. Это ей было совершенно ни к чему. Если это, конечно, не похвала отца, которую за семнадцать лет ей доводилось слышать всего пару раз.

Лорд Севера ещё так тяжело вздохнул перед её отъездом и посетовал на то, что не выйдет из Гвин воина, что ей аж тошно от самой себя стало.

Девушка не впервые слышала эти слова, а ещё чаще замечала отблески боли в его глазах. После потери любимой супруги отцу пришлось одному растить сопливую девчонку. Не сына, воина и защитника. А девочку!

Потому Гвин и заинтересовалась оружием, охотой да азартными играми. Постепенно она понимала всё больше, обучалась тонкостям и осваивала новые приемы во всех этих направлениях. Когда она впервые вышла один на один против отца с тренировочным мечом в руке, Гвин было двенадцать.

У неё не было ни единого шанса против Лорда Севера. Так она думала, пока не отразила два первых удара. А из-под третьего ловко ушла кувырком.

Тогда адреналин и азарт ударили ей в голову. Гвин даже смогла провести одну атаку. Безрезультатную, но всё же атаку. А потом пропустила тычок в рёбра наверху меча и отлетела к дереву. Подскочила и опять напала, подбадривая себя яростным криком.

Мечи скрестились, затрещали. Её опять отбросило. И она опять поднялась. Лорд Севера за всё это время не сделал ни шагу, напоминая дочери огромный священный дуб.

Гвин присела, уклоняясь от отцовского меча. И ударила снизу. Тогда-то её оружие и вылетело из резко ослабшей руки. Девчонка упала на спину и застонала, перед глазами заплясали темные пятна, но она вновь попыталась встать.

— Валькирия! — воскликнул тогда отец, с размаху вогнав свой меч в утоптанную землю. — Моя дочь — настоящая валькирия!

Гвин слабо улыбнулась, обезоруженная поражением. Если в начале поединка она не верила, что может победить, то в процессе появилась слабая надежда. И её так легко сломали.

— Поднимайся! — приказал отец, подавая дочери руку.

Гвин прожгла её коротким взглядом и ловко вскочила на ноги сама. В рёбрах что-то хрустнуло, бок прострелило острой болью. Девчонка согнулась по полам и скрипнула зубами.

Но не проронила ни единого звука.

После лекари нашли у неё перелом двух ребер. Но на ноги поставили быстро. И каково же было удивление Гвин, когда отец предложил ей сразиться ещё раз.

— Ты хочешь провести ещё одну тренировку? — удивилась тогда девчонка. — Это что, какая-то проверка?

— Валькирии слабеют без сражений, — с усмешкой, утопающей в густых усах, заметил Лорд Севера. — Никаких проверок, Гвин. Ты рождена с сердцем воина. Ты прошла своё испытание.

Девочка сглотнула вязкую слюну и чуть было не прослезилась. Отец её только что похвалил. Похвалил!

С того случая они всё больше времени проводили вместе. Ездили на охоту только вдвоём, отдыхали

у корней священного дуба и много разговаривали. Лорд Севера рассказывал о битвах, в которых побывал, о монстрах, которых победил, и о людях, которые того были достойны. Но никогда он не брал с собой дочь на войны, куда уходил на недели, а то и на месяцы.

Всё опять резко изменилось, когда ей почти исполнилось шестнадцать. У Валькирии пробудился магический дар. Она долго не знала, как сообщить об этом отцу. Даже боялась увидеть отблеск той самой боли в его глазах. Все эти годы Лорду Севера приходилось в одиночку растить дочь. А та ещё и не воином пришла в этот мир, а магом.

Но, несмотря на все страхи, Гвин получила разрешение от отца. И даже обучилась некоторым вещам у знакомого ему чародея. Лорд Севера сам помогал ей собираться в академию. А на прощание чуть ли не в первый раз в жизни обнял, крепко хлопнул по спине и с присущим его голосу рычанием проговорил:

— Давай, Валькирия, покажи, на что ты на самом деле способна. Выдерни им там всем кишки через горло!

Гвин тогда рассмеялась и пообещала, что так будет со всеми, кто посмеет на неё косо посмотреть.

И это обещание она собиралась выполнить. И вместе с тем стать боевым магом. Выбрав факультет ведьмовства, она была уверена, что сможет стать ещё сильнее. И тогда отец будет горд. Пусть она и родилась девчонкой, пусть и оказалась с магическим даром, но, как сказал Лорд Севера, у неё сердце воина.

С решительностью в этом самом сердце девушка шла на свою первую лекцию. И была готова последовать совету отца, если кто-то решит косо посмотреть на её наряд или причёску.

В этой части империи девушки редко позволяли себе коротко остригать волосы. Потому парочка любопытных взглядов уже остановилась на Валькирии, пока та искала указанную в расписании аудиторию. Следующий недовольный взгляд девушка поймала от преподавателя, ведь студентка проигнорировала форму академии.

В свой первый день Гвин оделась привычно: тёмно-зелёные штаны и жилет с утяжками в виде коричневых нитей на боках, серая рубаша со шнуровкой на груди. Вместо туфель, которые тут красовались на ногах почти всех девушек, Гвин натянула короткие сапоги. Их сшили специально для неё и зачаровали так, что девушка попросту влюбилась в обувь.

В тёплое время года они никак не мешали, даже больше — делали шаги тише в несколько раз. Да и ноги чувствовали себя комфортно. А вот в холода они были самым лучшим другом для воина. В них можно было как с легкостью передвигаться по льду, так и не замёрзнуть в огромном сугробе.

Да, именно в таком виде Гвин Умильген заявила на свою первую лекцию по основам магических искусств в аудиторию, где почти все студенты прикупили себе новую форму.

— Начнем, — голос преподавателя заставил Гвин поторопиться и занять ближайшее свободное место. Справа от неё оказалась стена, а слева — девчонка в простом сером платье.

«Интересно, а она в случае чего сможет им кишки через горло выдернуть?» — с усмешкой подумала Гвин, бросив на соседку короткий взгляд.

Бледная такая, каштановые волосы с лёгким медным отливом. И, что самое интересное, они, как и у Гвин, оказались довольно коротко острижены.

Судя по всему, обрезала их девушка несколько месяцев назад. И сделала это настолько неаккуратно, что некоторые пряди были чуть ли не в два раза длиннее остальных. Или они могли успеть вырасти быстрее других?

Гвин отмахнулась от этого и сосредоточилась на занятии.

Она внимательно слушала о том, насколько важно правильно рассчитывать силы в магии, насколько обязательно знать слова и жесты для произнесения заклинаний и о чём стоит беспокоиться в первую очередь, когда что-то пошло не по плану.

Первую часть занятия первокурсникам с обоих факультетов, собранным в одной большой аудитории, рассказывали о том, что им предстоит научиться слышать свой дар.

На словах всё было просто. Даже очень. Но Гвин, которая открыла в себе магию не так давно, пока даже не представляла, как проводить тренировки с этим новым, неизвестным ей оружием. Да, она знала некоторые чары, но зазубривала их, а не понимала.

Позже студентам постарались вбить в головы, что важнее всего безопасность. Никакой магии без разрешения деканата или ректората, без надзора преподавателей. Нарушителей этого правила могли даже исключить.

Вторая половина лекции оказалась более полезной. Преподаватель рассказал о том, какими именно методами и упражнениями можно развить чувствительность к своему дару.

— Вы должны понять, — произнес он после громкого звона колокола, разнёсшегося над академией Грискор; в то мгновение Гвин почему-то подумала,

что такой шум может стать отличным поводом для схода лавины с гор, — магия — это не что-то ино-родное и разумное. Нет! Магия — это лишь инстру-мент, использование которого вы в силах освоить. Надо только немного упорства и послушания. На этом всё. Занятие окончено. Подробнее о практи-ках, о которых я говорил, вы сможете прочитать в трактате «Маг и его сущность». Книгу можно взять в библиотеке.

— Можешь взять, — голос раздался слева.

Гвин лишь скосила взгляд и наткнулась на ту странную девчонку. Она протянула Валькирии потре-паный томик в синей обложке. На котором золоты-ми вензелями значилось: «Маг и его сущность».

— Мне не надо. Я всё запомнила, — слишком гру-бо отозвалась Гвин. Но девчонка не смутилась.

— Там намного больше информации, чем на лек-ции дали. Пригодится. Я уже всё прочитала.

— Я же сказала, мне не надо, — сухо отозвалась дочь Лорда Севера, поднимаясь на ноги.

От одного взгляда на книгу у неё по коже пробе-жали мурашки. Практически бесстрашная Валькирия испытывала ужас, стоило ей только подумать о чте-нии.

— Как знаешь, — пожала плечами девчонка, тоже вставая. — Я хотела помочь.

— Мне помощь не нужна, — рыкнула Гвин.

Эта бледная начинала её раздражать.

— Оно и видно, — фыркнула та.

— Как твоё имя? — вопрос прозвучал с вызовом.

Но студентка в сером платье этого или не поняла, или сделала вид, что не поняла.

— Табита Ваерс, — отозвалась она, окинув холод-ным взглядом Валькирию.

— Запомни, Табита Ваерс, — процедила сквозь зубы девушка. — Моё имя Гвин Умильген. И мне не нужна помощь.

Припечатав, она развернулась и поспешила покинуть аудиторию. Спинай почувствовала тяжёлый взгляд Табиты и даже усмехнулась. Пусть та и хотела помочь, но для Гвин это было оскорблением. Она запомнила обидчицу. И решила, что, если та ещё раз влезет без спроса со своей никому не нужной помощью, Валькирия точно воспользуется советом отца.

В этом она была уверена до обеда.

Столовая академии Грискор оказалась большим одноэтажным зданием, стоящим недалеко от огромного общежития с несколькими башнями.

«Там должны жить детки королей», — подумала Гвин, в первый раз увидев эти башни с тонкими витражными окнами и горгульями, поддерживающими крыши по обе стороны от этих самых окон.

В шумную и светлую столовую Гвин вошла широким уверенным шагом. Изнутри помещение выглядело так, как и представляла девушка: множество тяжёлых столов с лавками и огромная стойка с кучей наполненных едой тарелок. Можно было свободно подойти к ней и выбрать то, что хочется съесть.

За этой стойкой время от времени мелькали люди в тёмных одеждах. Они забирали пустую посуду, расставляли только что приготовленную еду и стирали грязь со столешниц.

Гвин зацепилась взглядом за одну из тарелок, которую только что вынесли. Это был бы идеальный обед для неё: огромный кусок мяса, несколько ложек каши и горсть овощей. Самое то, что требовалось организму воина, собирающегося на тренировку.

Но стоило Гвин подойти ближе и протянуть руку, как по кисти прилетел ощутимый шлепок, а сзади раздался гогот.

Рядом с Валькирией оказался высокий парень. Судя по всему, старше её самой на несколько лет.

Старшекурсник скривился и подхватил тарелку, которая уже мысленно принадлежала Гвин Умильтен.

— В следующий раз сломаю руку, — с рычащими нотками в голосе предупредила она.

— Это ты мне? — хмыкнул парень, окинув презрительным взглядом девушку. — Ты вообще знаешь, кто я, новенькая?

— Не мне тебе надпись на надгробии бить, — огрызнулась она, чувствуя, как атмосфера накаляется. — Мне начхать, кто тебя на этот свет выплюнул.

Отец всегда говорил Гвин, что, если конфликт попахивает скорой дракой, надо бить первой. Эффект неожиданности даст преимущество против врага. Особенно если он не один.

А этот зазнайка был далеко не один. За спиной Гвин стояли ещё пятеро парней, которые с удовольствием наблюдали за издёвками над первокурсницей.

«Выдерну кишки через горло», — успела подумать Гвин, когда её кулак врезался в скулу парня.

Тарелка вылетела из его рук и с громким звоном разлетелась на осколки. Пол под их ногами усеяли овощи и каша. Мясо отлетело под ближайший стол, навсегда утратив шанс быть съеденным.

— Ах ты, маленькая дрянь, — прошипел сквозь зубы старшекурсник, прижимая руку к лицу. Он так сильно съёжился от одного удара, что Гвин даже немного расслабилась.

И очень зря.

К нападению в спину она была готова и успела увернуться от чьего-то кулака. Но чего она не ожидала, так это того, что помимо кулаков в ход пойдет магия.

Заклинание ударило её в грудь. Старшекурсник всё ещё прижимал правую руку к лицу. Но ему хватило левой, чтобы создать нечто такое, что разрядом молнии ударило Валькирию, буквально её обездвизив.

И такая паника охватила Гвин...

Она знала, что сейчас последует удар, но никак не могла защититься.

«Магия — это лишь инструмент», — пронеслись у неё в голове слова преподавателя.

А потом рядом просвистел кулак и ударил гордую дочь Лорда Севера точненько в солнечное сплетение. Гвин хватанула ртом воздух, стараясь задержать его в лёгких.

И знала, что в неё летит следующий удар.

Она напряглась, ожидая его. Это единственное, что сейчас могла сделать девушка. Против магии она была бессильна. Настолько бессильна, что её это до безумия разозлило.

Подумать только, какие-то чары вмиг смогли её остановить!

— Прочь! — рывкнули рядом таким голосом, что Гвин даже на мгновение зауважала вмешавшегося.

— Это ещё что за сопля? — со смехом уточнил обиженный старшекурсник. О да, его голос Гвин уже могла отличить от других.

— Стража уже в пути, — процедила вмешавшаяся. — Уже деканат будет разбираться в том, кто учинил драку.

— Ты посмотри, она меня ещё учить будет!

Гвин не видела, что произошло. Её скрутило так, что она и вдохнуть могла с трудом. Это была заслуга то ли чьей-то тяжелой руки, то ли магии...

Но она услышала треск заклинания. На пол что-то хлопнулось. И Гвин удивлённо округлила глаза.

У её ног лежала разорванная от сильного удара книга в синей обложке. Золотые вензеля практически стерлись с неё. Но можно было угадать, что там написано.

«Маг и его сущность».

— Что тут происходит?!

В столовой уже давно царила тишина. Все, должно быть, наблюдали за внезапным конфликтом. Но Валькирия это поняла только сейчас, когда в полнейшей тишине раздался громкий мужской голос.

Это была та самая стража, о которой сообщила вмешавшаяся Табита.

Чары с Гвин сняли. Парня, который их наложил, устыдили взглядом. А когда увидели расползающийся на его лице синяк, обратили внимание уже на девушку.

Приглашение в деканат было для обоих. Правда, на разные факультеты. И Гвин не могла решить, плохо это или хорошо.

Когда же стража ушла, старшекурсник со своими друзьями растворился в толпе, а в столовой опять поднялся гул.

И только Табита осталась стоять рядом с Гвин, тяжело дыша.

— Я помню, что ты сказала, — произнесла она раньше, чем дочь Лорда Севера успела открыть рот. — Но отказываться от помощи — это слабость, Гвин Умильген. А ты не похожа на слабачку.

Эти слова стеганули Валькирию не хуже хлыста. Разве что свиста в ушах не было.

«Слабость — первый шаг к смерти», — вспомнила она слова отца. И рассмеялась.

Громко и звонко. Но этот звук все равно потонул в шуме столовой.

Табита с сомнением покосилась на веселящуюся первокурсницу и изогнула тонкую тёмную бровь.

— Согласна, — признала свою ошибку Гвин. И это оказалось намного проще, чем она могла предположить. — Так что, пообедаем?

Табита только пожала плечами и, не глядя, взяла одну из тарелок. Вроде бы с супом. Но Гвин не стала бы утверждать.

— Сказать, где тут лекарь? — уточнила новая знакомая.

— Нет, со мной все в порядке, — хмыкнула Гвин, наклонилась и подхватила книгу. А потом протянула её хозяйке. — Спасибо, конечно, Табита Ваерс. Но это мне всё равно не нужно.

Тут уже расхохоталась Табита, забирая пострадавшую в потасовке книгу. Она забросила её в небольшой мешок, висящий на плече, и жестом указала на пустой стол.

С этим Гвин спорить не собиралась. Захватила и для себя тарелку. А потом направилась с новой знакомой к свободному месту, чтобы разделить обед.

4. ТАБИТА ВАЕРС

— Аккуратнее! — возмутился один из стражников.

Табита не видела тех, кто тащил носилки с её телом, но прекрасно слышала их прерывистое дыхание и сказанные слова.